

УДК 226.05=511.131(091)(045)

*А. А. Туранов***ПРОФЕССОР Г.Н. ЛЕВАНДОВСКИЙ (1786–1843):
ПЕРВЫЙ ОПЫТ ПЕРЕВОДА ЕВАНГЕЛИЯ НА УДМУРТСКИЙ ЯЗЫК.**

В статье реконструируются события, связанные с первыми переводами Евангелия на удмуртский язык. В частности рассматриваются неизвестные обстоятельства появления и проверки в Елабужском уезде Вятской губернии перевода десяти глав Евангелия от Матфея, выполненного профессором Вологодской духовной семинарии Г. Н. Левандовским. Проверка этого перевода послужила толчком к созданию в Вятской епархии собственных переводов Евангелия в 1821–1823 гг. К XX в. этот первый опыт перевода оказался забыт, стерлось из памяти и само имя переводчика. Поэтому особое внимание в статье уделено установлению личности Левандовского, его происхождения и биографических сведений. Выяснено что Гавриил Никифорович Левандовский родился в 1786 г. в семье священника с. Басурман-Можга Елабужского уезда Вятской губернии, последовательно обучался в Казанской духовной семинарии, Вятской духовной семинарии и Санкт-Петербургской духовной академии. После окончания академии стал профессором Вологодской духовной семинарии, где служил до 1842 г. Умер в 1843 г. В научный оборот вводятся вновь выявленные отечественные и иностранные источники сведений о Левандовском и его переводе.

Ключевые слова: перевод, удмуртский язык, Евангелие от Матфея, Гавриил Никифорович Левандовский, Вятская губерния, Российское Библейское общество.

DOI: 10.35634/2412-9534-2023-33-1-186-197

Ранние переводы на удмуртский язык христианских текстов представляют собой первые шаги на пути создания удмуртского литературного языка. Историческое значение имеют переводы Евангелия, выполненные в начале 1820-х годов по инициативе вятского архиерея. В свете деятельности Российского Библейского Общества (РБО) их создание отвечало «духу времени». Однако уже несколько десятилетий спустя обстоятельства осуществления этих переводов и имена переводчиков оказались забыты. В начале XX в. историю первых переводов Евангелия на удмуртский язык исследовал вятский историк П. Н. Луппов [4; 5], но его работы не исчерпывают тему полностью. В настоящее время некоторые вопросы по-прежнему представляют интерес для изучения, и особенно актуальны в связи с 200-летним юбилеем создания переводов.

Вводные сведения о переводе Евангелия Левандовским

Известные переводы на удмуртский язык Евангелий Матфея, Марка, Иоанна и Луки выполнены священнослужителями Вятской епархии в 1821–1823 годах. Однако история первого удмуртского перевода Евангелия началась несколько раньше, и началась она за пределами Вятской губернии. В 2016 г., исследуя вопрос создания переводов по документам Вятской духовной консистории, автор обнаружил, что еще в 1820 г. перевод десяти первых глав Евангелия Матфея выполнил в Вологодской губернии некий профессор Левандовский [11]. Последующий поиск информации о нем вывел на две статьи удмуртского филолога М. Г. Атаманова.

Вот что сообщает М. Г. Атаманов в первой из них: «...из книги "The Bible of Every Land" (Библия всех стран), изданной в 1848–1861 гг. в Лондоне, мы впервые узнаем имя первого ученого удмурта – Левандовский. О нем написано так: "Левандовский – образованный вояка, хорошо знающий свой родной диалект, был первым, кто взялся за перевод Священного Писания на язык своих соплеменников. В 1820 г. он отослал Российскому Библейскому Обществу образец перевода первых десяти глав Евангелия от Матфея с предложением продолжить его, если они сочтут это необходимым. Комитет Библейского Общества, в свою очередь, предложил Левандовскому продолжить начатую работу и передать перевод священникам, знающим язык.

Перевод, вероятно, был продолжен под руководством комитета Вятского филиала Библейского Общества. Евангелия от св. Матфея и Марка были закончены в течение 1823 г. После того, как этот перевод был рассмотрен различными компетентными специалистами, а также подробно и тщательно переработан, епископ Вятский и некоторые другие священнослужители поставили

свои подписи под переводом, подтверждая то, что он совершенно понятен племени, которому он предназначался» [1, с. 14].

Использованная Атамановым цитата из книги «The Bible of Every Land» переведена с английского на русский и прислана ему из Стокгольма директором Института перевода Библии Бориславом Араповичем [1, с. 14], т. е. получена из третьих рук. По-видимому, это единственный источник его сведений о Левандовском.

В другой своей статье Атаманов пишет: «...в 1775 г. вышла первая грамматика удмуртского языка "Сочинения принадлежащая к грамматике вотскаго языка". Вскоре, по благословению митрополита (Вениамина Пуцек-Григоровича – А. Т.), один из его учеников-удмуртов по фамилии Левандовский приступил к переводу Евангелий на родной удмуртский язык» [2, с. 30]. Эти сведения подсказаны, очевидно, научной интуицией ученого. Его не смущает, что между описываемыми событиями – выходом первой удмуртской грамматики и составлением перевода Левандовским – прошло 45 лет, и 38 лет – со времени ухода митрополита «на покой» в 1782 г.

Приведенные Атамановым сведения, бесспорно, представляют интерес для нашей темы, однако отсутствие критического анализа источника не позволяет относиться к ним с полным доверием. Такие сведения не могут удовлетворить историка... Далее мы еще вернемся к этому источнику, а сейчас обратимся к сведениям, вновь выявленным в документах духовного ведомства Вятской губернии.

О переводе Левандовского по документам Вятской епархии

По документам Вятской духовной консистории установлено, что в первой декаде августа 1820 г. вятским Преосвященным епископом Амвросием было получено отношение тверского архиепископа Филарета¹ с предложением провести проверку удмуртского перевода Евангелия Матфея. Прилагаемая рукопись содержала перевод десяти первых глав и была выполнена профессором Левандовским. Проверку перевода было поручено произвести Елабужскому духовному правлению с помощью знающих удмуртский язык священников Иоанна Анисимова (с. Басурман-Можга) и Стефана Красноперова (с. Алнаши). Во второй половине октября перевод Левандовского был читан удмуртам в нескольких селениях, и к 10 ноября с рапортом возвращен в консисторию. К рапорту духовного правления было приложено замечание священников И. Анисимова и С. Красноперова, сделанное по результатам чтения перевода. По-видимому, не всё в переводе Левандовского оказалось удачным, поэтому священники сделали и собственный перевод первой главы Евангелия Матфея, который представили в консисторию вместе с замечанием. В середине ноября перевод Левандовского, замечание на него, а также вновь сделанный Анисимовым и Красноперовым перевод первой главы из Вятки были отправлены Высокопреосвященному Филарету. Священникам же И. Анисимову и С. Красноперову указом консистории от 13 ноября 1820 г. было предписано выполнить сообща собственный перевод всего Евангелия Матфея [11, с. 47–48].

По-видимому, архиепископом Филаретом все бумаги были представлены Президенту Российского Библейского Общества (далее – РБО) князю А. Н. Голицину. От него же в марте 1821 г. «с предложением вотякского словаря» все было возвращено назад к вятскому архиерею для продолжения перевода. 24 марта епископ Амвросий вновь распорядился о пересылке всех материалов Левандовского, Анисимова и Красноперова, но теперь уже к вологодскому Преосвященному епископу Онисифору, «дабы он благоволил приказать оному Профессору рассмотреть те замечания и по рассмотрении представить о том свое мнение». А в Елабужский уезд 26 марта был послан указ, которым предписывалось объявить переводчикам Евангелия «чтоб они употребили все возможные труды и

¹ Митрополит Филарет (Дроздов) (1782–1867 гг.) – видный деятель Русской православной церкви XIX в. Здесь приведем лишь отдельные факты его биографии, необходимые для целей настоящей статьи:

– с 1810 г. бакалавр церковной истории, а с 11 марта 1812 г. по 1819 г. ректор С.-Петербургской духовной академии; в 1814 г. возведен в звание доктора богословия;

– 11 января 1813 г. участвовал в собрании открытия Библейского общества в С.-Петербурге, с 1814 г. стал одним из директоров его Комитета, а с 1816 г. (после посвящения в сан епископа) – вице-президентом. Принимал участие в переводе Евангелия на русский язык и издании русских переводов Четвероевангелия, Псалтири, Нового Завета;

– в марте 1819 г. назначен на Тверскую кафедру в сане архиепископа, стал членом Святейшего Синода; 26 сентября 1820 г. перемещен архиепископом в Ярославскую епархию; 3 июля 1821 г. назначен на Московскую кафедру, где 22 августа 1826 г. возведен в сан митрополита.

ревность к поспешнейшему и точнейшему переводу онаго»; к ним же препровождался и «вотятский словарь с тем, чтоб они, естли для перевода им нужен, оставили у себя для надлежащаго употребления, или в противном случае обратно прислали бы <...> оной со своим мнением на щет его пользы или неудобства» [14, ф. 237, оп. 1, д. 62, л. 359–359об.].

4 августа 1821 г. священники Анисимов и Красноперов возвратили в консисторию присланный из столицы «вотяцкой словарь яко для них не нужный», который 5 августа при отношении Преосвященного и был отослан обратно к А. Н. Голицину [14, ф. 237, оп. 1, д. 63, л. 177–177об.]. Возвращение священниками словаря дает повод предположить, что к этому времени их собственный перевод мог быть уже закончен, и, в соответствии с ранее данными указаниями, передан на поверку, ведь большая его часть – 20 глав из 28 – была выполнена уже к 25 марта [11, с. 48–49].

Ответ из Вологды получен был к 4 ноября 1821 г. Вместе с отношением вологодского Преосвященного в Вятку вновь были возвращены все бумаги по переводу «с приложением репорта Вологодской Семинарии профессора Левандовскаго, учиненнаго на замечания священников Анисимова и Красноперова». Вятский архиерей, ознакомившись с рапортом, предписал консистории: «репорт профессора Левандовскаго по оставлении с него при деле копии, немедленно препроводить чрез Елабугское Духовное Правление к священникам Анисимову и Красноперову с тем, чтоб на замечания профессора Левандовскаго означенныя в том репорте, поспешили зделать свои замечания и прислать оныя вместе с репортом Левандовскаго ко мне при репорте». Соответствующие указания были направлены в Елабугу 7 ноября [14, ф. 237, оп. 1, д. 63, л. 581об.].

Рапорт Анисимова и Красноперова «с объяснением на замечания прописанные в репорте профессора Левандовскаго» был получен в Вятке в феврале следующего года. Рассмотрев его в заседании 25 февраля 1822 г., присутствующие консистории пришли к заключению, что «противоречия переводчиков профессора Левандовскаго и священников Анисимова и Красноперова в разсуждении некоторых слов из 9^м глав Святаго Евангелия от Матфея, переведенных первым из них на вотяцкой язык, нужно разсмотреть посторонним лицам знающим тот язык и разумеющим точный смысл Священнаго Писания и потом на их переводы дать свои замечания» [14, ф. 237, оп. 1, д. 64, л. 326–326 об.]. А поскольку к этому времени вопросы осуществления переводов уже курировал Вятский Комитет РБО, то было решено «представить Преосвященнейшему в благорассмотрение копию с журнала при деле не благоугодно ли будет для поручения кому либо учинить таковую оным противоречиям поверку, отослать сие дело в здеиний Комитет Библейскаго Общества» [14, ф. 237, оп. 1, д. 64, л. 326об.]. Предложение это архиереем было утверждено 2 марта, и уже в скором времени исполнено [14, ф. 237, оп. 1. Д. 64, л. 576 об.]. Так дальнейшее решение вопроса о разрешении противоречий переводчиков было переложено на Комитет.

Точных сведений о том, как это было исполнено, не имеется; можно предположить, что поверка была поручена тем же лицам, которые занимались переводом на удмуртский язык Евангелия Марка в Глазовском уезде: в послужном списке одного из них – протоиерея Афанасия Шкляева – впоследствии указывалось, что он «с 1821го года по 1823^ю занимался переводом Евангелиста Марка с российскаго на вотяцкой язык, и сверх того ревизовал и переписывал других трех Евангелистов» [12, с. 63].

По-видимому, к началу работы над переводом священники И. Анисимов и С. Красноперов владели удмуртским языком достаточно хорошо: в послужных списках первого из них говорится «по вотски и черемиски отчасти знает» (1815 г.) [15, ф. 134, оп. 1, д. 479а, л. 537], «по вотятски только знает» (1823 г.) [14, ф. 237, оп. 70, д. 42, л. 809]; о знании языков вторым – «по вотятски только знает твюрдо» (1825 г.) [14, ф. 237, оп. 70, д. 44, л. 421]. Однако даже совершенное знание удмуртского языка на бытовом уровне вряд ли было достаточно для перевода Евангелия. Очевидно, уверенность священников в собственной правоте при составлении замечаний на перевод Левандовского была основана на результатах его прочтения местному удмуртскому населению. Впрочем, судя по заключению консистории, разногласия переводчиков не были велики, а сводились лишь «в разсуждении некоторых слов из 9^м глав».

Поверка переводов, разрешение противоречий переводчиков, исправления и переписка окончательного варианта набело затянулись до 1823 г. Только 6 июля 1823 г. Вятский Комитет РБО уведомил консисторию, что «присланные из сей Консистории в тот Комитет переводы Святаго Евангелия (Матфея и Марка – А. Т.) на вотяцком и черемизском языках из онаго Комитета в таковой же Санктпетербургскаго Российскаго библейскаго общества отосланы» [14, ф. 237, оп. 1.

Д. 66, л. 690 об.]. Впрочем, возможно переводы были закончены уже в конце 1822 г., а задержка в их отправке в столицу связана со сменой архиерея.²

Указаний о дальнейшей судьбе перевода Левандовского не обнаружено. Нет никаких указаний и об исполнении Левандовским перевода оставшихся 18 глав Евангелия от Матвея; по-видимому, они переведены не были: из пересылавшихся по делу бумаг профессор мог заключить о нецелесообразности продолжения этой работы вследствие исполнения в Вятской епархии собственного перевода. Тем не менее нельзя переоценить значение и роль этого первого опыта. Очевидно, что перевод Левандовского послужил в Вятской епархии одним из побудительных мотивов начать собственные переводы Евангелия на удмуртский язык. Именно со знакомства с ним началась работа вятских переводчиков И. Анисимова и С. Красноперова, именно этот перевод послужил им наглядным примером и использовался в качестве первого опытного образца для испытания понятности удмуртам как отдельных слов и лексических конструкций, использованных Левандовским для передачи отсутствовавших в удмуртском языке христианских понятий, так и общего смысла текста. А полученный практический опыт имел огромное значение для их самостоятельной переводческой работы. Очевидно, что это значительно сократило сроки и упростило переводчикам задачу выполнения собственного перевода. Вполне вероятно также, что первые десять глав удмуртского перевода Евангелия Матфея, представленного из Вятки в столицу, и представляли собой подкорректированный перевод Левандовского.

Пролить свет на судьбу перевода Левандовского, возможно, позволят дальнейшие исследования. Мы же сейчас обратимся к установлению его личности, происхождения и сведений биографии.

Кто же он такой, профессор Левандовский?

Из приведенных выше фрагментов переписки по делу о переводе Левандовского выясняется, что он был профессором Вологодской духовной семинарии. Очевидно, что отсюда и следует начать распутывать клубок его биографии.

Материалы по истории Вологодской семинарии, включающие и сведения о ее преподавателях, публиковались в 1869–1870 гг. в «Вологодских епархиальных ведомостях». Об интересующем нас человеке здесь сообщается следующее:

Гавриил Никифорович Левандовский – сын священника Казанской епархии. С 1797 г. обучался в Казанской академии. В 1809 г., по требованию Комиссии духовных училищ, был отправлен от Вятской семинарии в С.-Петербургскую духовную академию для усовершенствования к профессорской должности. Учебный курс академии окончил с правом студента университетского и 13 августа 1814 г. определен в должность профессора всеобщей истории в Вологодскую семинарию. С 15 октября 1814 г. по 12 октября 1834 г. был секретарем семинарского правления. С 16 октября 1822 г. по 3 ноября 1826 г. исполнял должность наставника чтения и изъяснения Священного Писания Нового Завета в каждую субботу для учеников всех отделений семинарии. 3 ноября 1826 г. определен профессором церковной истории с оставлением при нем должности профессора всеобщей истории. 8 июня 1828 г. определен помощником инспектора семинарии. Уволен от духовно-училищной службы по прошению в 1842 г. Умер в Вологде 4 сентября 1843 г. [10, с. 833–834].

Эти краткие сведения позволяют сделать следующий шаг – обратиться к материалам С.-Петербургской духовной академии. Эта академия (поначалу иногда называвшаяся С.-Петербургским духовным педагогическим институтом) была открыта 17 февраля 1809 г. Для обучения в ней были вызваны студенты из разных епархий России. Первый прием студентов в состав первого курса закончен в январе 1809 г. Лекции начались 17 февраля, а закончены первым академическим курсом в июле 1814 г. Таким образом, этот первый курс состоял из 5½ учебных годов (1809–1814 гг.) [9, с. I–II (1-я паг.)]. В числе выпускников этого курса был и Гавриил Левандовский. В биографическом словаре студентов академии о нем приводятся такие сведения:

Левандовский Гавриил Никифорович – сын священника Казанской епархии, действительный студент первого курса (1809–1814 гг.). С 1797 г. он обучался в Казанской семинарии и академии, а затем в 1809 г. вытребован Комиссией духовных училищ для усовершенствования во вновь открытую С.-Петербургскую духовную академию. Здесь в течение академического курса он занимался обуче-

² Преосвященный Амвросий, исполнявший в Вятском Комитете РБО обязанности вице-президента, в конце 1822 г. был перемещен в Тобольск, а его преемник – вновь назначенный Преосвященный Павел – прибыл в Вятку лишь 28 июня 1823 г. [14, ф. 237, оп. 1, д. 66, л. 759].

нием детей обер-шталмейстера двора Маркова и после окончания думал перейти на гражданскую службу. Но Комиссия духовных училищ не пустила его, не смотря на то, что Марков обязывался внести за Левандовского нужную сумму за его обучение в академии. Академия дала такое объяснение, что она «не деньги наживает, а людей приобретает». По окончании академии был назначен наставником в Вологодскую семинарию, где преподавал гражданскую и церковную историю и служил до смерти – 4 сентября 1843 г. [9, с. 235 (2-я паг.)].

Справедливости ради следует заметить, что во время обучения в академии Левандовский выдающихся успехов не проявил. Об этом можно судить по спискам успеваемости, сохранившимся в бумагах бывшего ректора академии, а впоследствии митрополита Московского Филарета. Так успехи Левандовского по классу богословских наук в июне 1812 г. оценены как «средственные» [13, с. 43], в декабре 1812 г. – «хорошие» [13, с. 47], в июне 1813 г. – «слабо занимается» [13, с. 63]; не отмечено особых успехов и по другим предметам [13, с. 55]. В этом отношении показателен и разрядный список выпускников академии 1814 г.³: по успехам Левандовский оказался 80-м из 89-ти выпускников, окончил курс во 2-м отделении 2-го разряда и был оставлен в звании студента, в то время как подавляющая часть выпускников (78 чел.) вышла из академии в звании магистра (26 чел.) или кандидата (52 чел.) [9, с. XXXIV (1-я паг.)].

Из представленных сведений особое внимание обращает на себя вот какое обстоятельство: Гавриил был сыном священника Казанской епархии, обучался в Казанской духовной академии⁴, – а в С.-Петербургскую духовную академию отправлен почему-то от Вятской семинарии! Это позволяет предположить, что родился Г. Н. Левандовский в той части Казанской епархии, которая некоторое время спустя (в 1791 г.) отошла в Вятскую (приходы Елабужского, Малмыжского, Царевосанчурского и Уржумского уездов). Духовенству этой части позволялось отдавать детей на обучение в Казань, т. к. добираться туда было ближе и удобнее. Их последующее перемещение в Вятку было возможно и, как правило, происходило в старших классах.⁵ А поскольку он владел удмуртским языком, то искать его родительскую семью следует в первую очередь в уездах Елабужском и Малмыжском.

Сделанное предположение оказалось продуктивным: при просмотре клировых ведомостей церкви Елабужского уезда за 1809 г. запись о Гаврииле Левандовском, обучающемся в «Санкт-Петербургском педагогическом духовном университете», была обнаружена в ведомости церкви с. Басурман-Можга [15, ф. 134, оп. 1, д. 1053, л. 837]. Дальнейшая реконструкция стала делом техники, поэтому изложим начальную часть биографии в хронологическом порядке.

Гавриил Никифоров(ич) Левандовский родился в с. Басурман-Можга в 1786 г. Расчет даты рождения Гавриила по возрасту, указанному в документах разных лет⁶, позволяет утверждать, что родился он в период с 1786 г. по 1788 г. Но 1786 г. представляется наиболее достоверной датой, т. к. именно этот год указан в надписи на его надгробном памятнике [16, с. 477 (2-я паг.)].

Его отец – Никифор Семенов(ич) Левандовский⁷ (1751–1804 гг.) – в 1776 г. рукоположен в сан священника к церкви с. Басурман-Можга, где и прослужил до самой смерти; есть основания полагать, что здесь же священником служил и отец отца – дед Гавриила. Мать – Анна Иванова (1749–после 1811 гг.) – дочь священника с. Ицкого Устья Елабужского же уезда. Гавриил был в семье седьмым

³ В соответствии с этим списком, очевидно, осуществлялось и распределение выпускников к местам дальнейшей службы: в Вологодскую семинарию на должности профессоров вместе с Левандовским были направлены и его ближайшие по списку соседи.

⁴ До преобразования в 1818 г. эта академия включала в себя все ступени обучения, в том числе и начальные классы.

⁵ Это было обусловлено, возможно, стремлением вятского епархиального руководства получить о них более полное представление, т. к. служить им предстояло в Вятской епархии. Впрочем, известны случаи «вытребования» студентов богословия из Казанской академии в Вятскую семинарию – «по малости в оной Студентов». В тоже время имел место и обратный процесс: из Вятской семинарии лучших выпускников направляли на высшие курсы Казанской академии для подготовки к преподавательским должностям.

⁶ В частности: по ревизской сказке 5-й ревизии (февраль 1795 г.) его возраст 8 лет [14, ф. 176, оп. 2. Д. 24, л. 1260]; в клировых ведомостях за 1798 г. – 12 лет [14, ф. 237, оп. 70. Д. 19, л. 493 об.], за 1801 г. – 14 лет [14, ф. 237, оп. 70. Д. 21, л. 755], за 1804 г. – 16 лет [14, ф. 237, оп. 70. Д. 26, л. 77 об.], за 1806 г. – 20 лет [14, ф. 237, оп. 70. Д. 28, л. 770], за 1809 г. – 22 года [15, ф. 134, оп. 1. Д. 1053, л. 837].

⁷ Упоминание отца Гавриила под этой фамилией встречено лишь дважды, ее употребление у других родственников не выявлено.

ребенком из одиннадцати [14, ф. 176, оп. 2. Д. 24, л. 1259 об.–1260]. Его старший брат – Никита Никифоров (1773–1814 гг.) – с 1786 г. служил здесь же дьячком, а в 1805 г. рукоположен в сан дьякона.

По достижении положенных лет Гавриил был отдан в Казанскую семинарию – в 1798 г. он уже показан в ведомости учеников «находящихся в указных науках в Вятской и Казанской семинариях» [14, ф. 237, оп. 70. Д. 19, л. 493 об.]. Ввиду многочисленности семейства для отца содержание Гавриила в семинарии было очень обременительно, вследствие чего не позднее 1801 г. за Гавриилом было зачислено дьяконское место в с. Ицком Устье [14, ф. 237, оп. 70. Д. 21, л. 755], часть дохода с которого пересылалась в семинарию все годы его обучения до 1808 г. В 1804 г. отец его умирает, и мать определяется при можгинской церкви просвирницей; средств помогать сыну у нее нет.

В 1806 г. Гавриил переходит на высшие ступени духовного образования и впервые указывается в звании «студента» Казанской академии [14, ф. 237, оп. 70. Д. 28, л. 762 об.]. Спустя год он переводится в Вятку, и в конце 1807 г. в ведомости родного села показан уже обучающимся в Вятской семинарии [14, ф. 237, оп. 70. Д. 30, л. 190 об.]. Но средства, доставляемые из Ицкого Устья, по видимому, недостаточны, в связи с чем Гавриил вынужден обратиться с прошением в консисторию, и в 1808 г. его перечисляют на 2-е дьяконское место в родное с. Басурман-Можга, где дьяконом же служит его старший брат. Впрочем, здесь он числится недолго, т. к. уже в январе 1809 г. оказывается в С.-Петербургской духовной академии. В ведомостях церкви с. Басурман-Можга «умершего иерея Никифора Семенова сын Гавриил Левандовский» последний раз записан в конце 1811 г.: указано, что он «обучается в Санкт-Петербургском педагогическом духовном институте» и его возраст – 24 года [14, ф. 237, оп. 70. Д. 32, л. 1104].

Очевидно, что Гавриил Левандовский, родившись уже после смерти казанского митрополита Вениамина (ум. 1785 г.), ни учеником его быть, ни благословение от него получить никак не мог. Вполне вероятно, что он о Вениамине вообще не знал, т. к. к моменту его поступления в обучение в Казанской епархии архиереи сменились уже дважды после Вениамина. Уж если предполагать, кто мог бы вдохновить его заняться переводом, так это скорее его наставник по С.-Петербургской академии, активный подвижник Библейского Общества, впоследствии митрополит Московский Филарет (Дроздов).

Выявленные сведения позволяют понять, почему именно в Елабужский уезд был отправлен на испытание перевод Левандовского: ведь именно на диалекте елабужских удмуртов он и мог быть выполнен. Кроме того, проявляется любопытный штрих в отношениях Левандовского, Анисимова и Красноперова: они могли иметь давнее представление друг о друге, и даже быть лично знакомы.

Иоанн Анисимов был сверстником Левандовского и мог знать его по учебе в Вятской семинарии. По окончании семинарии, в 1811 г., он был произведен в священника в с. Басурман-Можга и мог быть слышан о Левандовском от его ближайших родственников (матери и брата), служивших в той же церкви.

Стефан Красноперов происходил из можгинской ветви рода Красноперовых. Его отец служил в Басурман-Можге дьяконом, а с 1797 г. – священником; из-за ближайшего родства с другими членами причта, в 1808 г. он был переведен в с. Алнаши, но, из-за отсутствия там дома, семья его оставалась в Можге еще весь 1809 г. [15, ф. 134, оп. 1, д. 1053, л. 830 об.–831]. И хотя Стефан был на восемь лет младше Гавриила, их многолетнее близкое проживание в одном селе, пусть только и во время семинарских каникул, не оставляет сомнений в личном знакомстве.

Был ли профессор Левандовский удмуртом?

О том, что Гавриил Левандовский был удмуртом, каких-либо документальных указаний не выявлено. Поэтому приходится обратиться к дедукции.

Известно, что в середине XVIII в. среди духовенства Казанской епархии число лиц, получивших школьное образование, было далеко недостаточным для удовлетворения нужд обширной епархии. Замещение священно- и церковнослужительских мест осуществлялось лицами с домашним образованием, порядок замещения вакансий был такой: священник-отец при своей же церкви старался устроить и детей своих – в дьячки, пономари или диаконы. Во вновь открываемых новокрещенских приходах пришлось довольствоваться также лицами только с домашним образованием [6, с. 208–209], как правило, из духовных, русских по происхождению⁸.

⁸ Разрешалось также из мелкого купечества и обедневшего дворянства, умеющих читать и писать, и знающих язык новокрещен [7, с. 9].

Известно, что активное освоение территории удмуртских уездов русскими крестьянами-переселенцами происходило в первой половине XIX в. В XVIII в. процесс этот был еще слаб; приход с. Басурман-Можга и окружающие приходы были исключительно удмуртскими.⁹ Пожалуй, почти единственными русскими представителями здесь были служители церкви. В целях христианизации нерусского населения правительство указами неоднократно предписывало православному духовенству изучать языки народов, среди которых им приходится служить, и обучать языкам своих детей. В этом деле были достигнуты заметные успехи: уже в 1764 г. Сенат и Синод общим мнением предлагая Екатерине II закрыть оказавшиеся малоэффективными школы для новокрещенских детей, учрежденные в Казанской губернии с целью подготовки из них служителей Церкви, отмечали, что в «новокрещенских жителях при церквях из священно и церковнослужителей довольно уже есть таких кои их иноверческие языки <...> знают» [8, с. 705]. Так и среди духовенства «инородческих» приходов Вятской епархии, знающих языки местного населения, обнаруживается достаточно много: по подсчетам автора в конце XVIII – начале XIX вв. их количество составляло не менее 300 человек¹⁰ (не считая женщин и детей). Большая часть из них, издавна (в нескольких поколениях) проживавшая в новокрещенских приходах, местными языками владела весьма неплохо. А поскольку Левандовский с рождения жил среди удмуртов, то нет ничего удивительного в том, что он хорошо знал удмуртский язык.

Известно, что в числе мер, принимавшихся правительством для христианизации народов Поволжья, было и привлечение в состав духовенства представителей местных народов. Активная христианизация удмуртов началась лишь после указа от 11 сентября 1740 г., им же оговаривалась возможность беспощинного производства в церковные должности новокрещенских детей, хорошо обученных русской грамоте и катехизису и доброго образа жизни [7, с. 255]. Но обучение удмуртских мальчиков началось лишь с открытием новокрещенских школ в 1750 г. По сведениям П. Н. Луппова число учеников-удмуртов в них было не велико – они составляли около 1/20 части от общего числа школьников; в 1750–1773 гг. обучение в школах прошли 29 удмуртских мальчиков [6, с. 236]. Обращаясь к именному списку этих учеников [6, с. 311–312], отождествить с кем-либо из них отца Гавриила Левандовского не удастся, что, впрочем, и ожидаемо, т. к. уже деды Гавриила – священники, и, по-видимому, начали службу в церкви еще до открытия этих школ, а значит, по происхождению были русскими.

Если предположить, что Левандовский происходил из удмуртской семьи, то тогда с самого рождения он жил исключительно в среде удмуртской речи, при почти полном отсутствии русских в его окружении, что неминуемо вело бы к незнанию русского языка. Известно, что плохое знание русского языка было одной из причин малых успехов учеников новокрещенских школ: лишь немногие из них, освоившие необходимый минимум знаний, впоследствии стали священниками в новокрещенских приходах, остальные служили причетниками или диаконами. Поэтому представляется совершенно невероятным, что бы мальчик-удмурт, изначально плохо знающий русский язык, за 11 лет учебы в семинариях параллельно смог освоить и его, и латынь (ведь преподавание в семинарии велось на латыни), и славянский (на славянском языке ведется служба в Русской православной церкви), и другие преподававшиеся предметы, и стать одним из лучших учеников, достойным обучаться в С.-Петербургской духовной академии.

Приведенные рассуждения не позволяют предполагать, что Гавриил Левандовский по происхождению был удмуртом – наоборот, эта версия представляется невероятной.

Но ведь об этом сообщает «Библия всех стран»!..

Вот и настало время обратиться к иностранным источникам.

Иностранные источники о Левандовском и его переводе Евангелия

Исследование иностранных источников в настоящее время оказывается возможным благодаря масштабной оцифровке печатных изданий прошлых веков и их размещению в свободном доступе в Интернете. В результате поиска сведений о книге «The Bible of Every Land» установлено, что она вышла в свет двумя изданиями, при этом годы опубликования в них не указаны, но могут быть уста-

⁹ Даже в 1815 г., когда движение русских переселенцев уже заметно усилилось, в клировой ведомости можгинской церкви о составе населения говорится: «прихожане из вотяков, а малая часть из русских» [15, ф. 134, оп. 1. Д. 479а, л. 536 об.].

¹⁰ Результаты этой работы изложены автором в подготовленной к публикации статье «К вопросу о знании языков местных народов православным духовенством Вятской губернии в конце XVIII–начале XIX вв.»

новлены по датам помещенных в них предисловий и вступительных замечаний. Первое издание вышло в 1851 г. [19], а второе – «*новое издание, расширенное и дополненное*» – в 1860 г. [20]. О переводах Евангелий на удмуртский язык в обоих изданиях приводится почти идентичный по содержанию текст. Весь текст размещается на одной странице книги и не велик по объему: 4 абзаца, 32 строки, а фрагмент, использованный (в переводе) М. Г. Атамановым, и процитированный в начале настоящей статьи, составляет около 1/3 части текста.

Имеющиеся в изданиях незначительные отличия позволяют утверждать, что Атаманову был прислан перевод текста из второго – «нового» – издания. Однако первое издание оказывается более информативным, поскольку содержит ссылки на источники информации, чего нет во втором. Так, выясняется, что сведения о переводе Левандовского заимствованы из «Семнадцатого доклада Британского и Иностранного Библейского Общества», а сведения о вятских переводах за 1823 г. – из «Двадцать первого доклада Британского и Иностранного Библейского Общества» [19, р. 275].

В «Семнадцатом докладе Британского и Иностранного Библейского Общества» приводятся письма англичанина пастора Э. Гендерсона – британского агента при Российском Библейском Обществе, несколько лет прожившего в России, и послужившего здесь Библейскому делу своим личным трудом [3, с. 700, 702]. В одном из этих писем, написанном в С.-Петербурге 5 марта 1820 г., рассказывается о состоявшемся накануне собрании членов Библейского Общества, на котором среди прочих сообщений было представлено и известие о переводе Левандовского. Для наглядности приводим здесь этот фрагмент так, как он представлен в «Семнадцатом докладе...»:

«...The first ten chapters of Matthew have likewise been translated, as a specimen, into the language of the Votjaks, a numerous people in the government of Wologda. It is made by the learned Professor Levantoffsky, who is himself a Votjak by birth, and well acquainted with his native language. It was resolved, that the Professor be requested to proceed with the work, and, when he has made some degree of progress, to communicate his version to such of the clergy, as are competent to judge of the translation» [17, р. 42].

В приведенном тексте говорится, что первые десять глав Евангелия Матфея были переведены, как образец, на язык вотяков – многочисленного народа в Вологодской губернии. Перевод составлен ученым профессором Левантовским, который сам по происхождению вотяк и хорошо знает свой родной язык. Было решено, что профессору будет предложено продолжить работу и, когда он достигнет некоторого прогресса, представить свою версию к таким из духовенства, которые компетентны судить о переводе.

Как видим, полного соответствия сведений в «Библии всех стран» письму Гендерсона нет – Левандовский не просто «образованный вотяк», а ученый, занимающий профессорскую должность. Но и на само сообщение Гендерсона следует посмотреть критическим взглядом. Что же мы увидим? А увидеть мы можем следующее:

– судя по вступлению, письмо составлено не на основании какого-либо документа, а по памяти, по впечатлениям, оставшимся от услышанного накануне потока сообщений о переводах Евангелия на различные языки и прочих известий (о которых он тоже пишет в письме); но информация, записанная на слух спустя некоторое время, по личным впечатлениям, может не полностью соответствовать сказанному;

– Гендерсон, очевидно, плохо представлял себе территорию расселения удмуртов, поместив их в Вологодскую губернию; возможно, эта ошибка есть следствие записи услышанного по памяти, из-за большого объема полученной новой информации он что-то мог и перепутать;

– Гендерсон иностранец по происхождению, в России проживает менее двух лет и степень знания им русского языка не ясна, он мог не понимать всех тонкостей русской речи и, например, сообщение «родился и рос среди вотяков (в вотских жилищах)» мог интерпретировать как «по происхождению вотяк»; вопрос адекватности перевода встает и в том случае, если сообщение делалось не на русском языке;

– сообщение в собрании делалось не самим Левандовским, а кем-то из членов Библейского общества, к которому сведения поступили по цепочке через некоторое количество должностных лиц – при передаче информации могли появиться технические неточности.

К этому можно добавить также, что хотя РБО и являлось организацией общественной, но во главе его стояли весьма влиятельные государственные сановники¹¹, а при передаче вышестоящему

¹¹ Так, например, Президент РБО А. Н. Голицин в 1803-1817 гг. был обер-прокурором Святейшего Синода, а с 1817 г. являлся Министром духовных дел и народного просвещения.

начальству нередко имеет место искажение информации с целью преувеличения достигнутых успехов и значимости результатов, придания им большей степени доверия. Кроме того, само РБО, осуществляя свою деятельность как на средства, собираемые внутри России, так и на получаемые от иностранных агентов, было заинтересовано представлять информацию о делаемых новых переводах Библии с большей внешней эффектностью... И это еще не все причины относиться к сообщению Гендерсона с осторожностью.

Можно не сомневаться лишь в том, что подтверждается архивными документами: профессор Вологодской семинарии Левандовский действительно перевел десять первых глав Евангелия от Матфея и представил их в РБО. Но сообщение Гендерсона интересно еще и тем, что к моменту его составления (5 марта¹² 1820 г.) перевод уже находился в столичном отделении РБО, и, с учетом времени, необходимого на пересылку его из Вологды и различных бюрократических проволочек, можно уверенно утверждать, что работу над ним Левандовский начал в предыдущие годы (не позднее 1819 г.).

В «Двадцать первом докладе Британского и Иностранного Библейского Общества» приводятся сведения о Вятских переводах на удмуртский язык Евангелий Матфея, Марка, Иоанна и Луки по состоянию на 1824 г. [18, р. 93–94]. Сведения эти, по-видимому, заимствованы из издававшихся в России в 1824 г. «Известий о библейских обществах». Этот же источник информации в начале XX в. использовал в своем исследовании об удмуртских переводах П. Н. Луппов [4, с. 9–10], поэтому некоторые фрагменты в обеих работах почти дословно совпадают. Однако указаний о том, что именно перевод Левандовского был продолжен вятскими переводчиками, здесь нет. Очевидно, это предположение (с него начинается 2-й абзац приведенной Атамановым цитаты) сделано самими составителями «Библии всех стран».

Несомненно, иностранные источники, особенно представленные в «Докладах Британского и Иностранного Библейского Общества», представляют интерес для историографии темы создания переводов Библии на различные языки народов России, в том числе и удмуртский. А рассмотренные выше публикации ранее, кажется, в поле зрения удмуртских ученых не попадали. Вместе с тем представляется, что по сравнению с отечественными источниками, приводимые в них сведения могут быть менее достоверны и строить только на них научные выводы не следует.

Заключение

Подводя итог, можно констатировать, что в результате проделанной работы удалось реконструировать забытые страницы истории самого первого перевода Евангелия на удмуртский язык, выполненного профессором Вологодской духовной семинарии Гавриилом Никифоровичем Левандовским. Факт создания этого перевода был установлен относительно недавно и до настоящего времени оставался малоизвестен из-за того, что имевшаяся о нем информация была весьма мала по объему и фактическому содержанию; скудны были сведения и о самом переводчике. Эти проблемы преодолеваются автором введением в научный оборот большого объема фактического материала по теме, вновь выявленного в архивных источниках, а также сведений, опубликованных в российских и зарубежных изданиях XIX в.

Использованные архивные источники представляют собой комплекс делопроизводственных документов Вятской духовной консистории, что позволяет говорить о высокой степени доверия к приведенным в них сведениям. Опубликованные материалы российских изданий содержат информацию, также извлеченную из архивов, но обработанную их авторами применительно к целям издания. Иностранные источники представляют скорее историографический интерес, поскольку приводимая в них информация прошла по длинной цепочке и неизбежно претерпела какие-то искажения; в значительной части основу иностранных текстов составляют известия, полученные из РБО, но сообщения иностранных агентов могут отражать и их личные, не всегда верные, представления.

Привлекаемые к исследованию источники позволили достаточно полно осветить многие вопросы, связанные с историей перевода Г. Н. Левандовского, в частности:

– восстановлены основные этапы и хронология действий по проверке перевода в Вятской Епархии. Выявлены обстоятельства, повлиявшие на сроки рассмотрения сделанных замечаний и на разрешение противоречий, возникших между переводчиком и проверявшими. Кроме того, уточнены и

¹² Возможно, по григорианскому стилю.

некоторые обстоятельства создания проверявшими (священниками И. Анисимовым и С. Красноперовым) собственного варианта перевода Евангелия Матфея;

– установлены сведения о происхождении, месте рождения, прослежен жизненный путь переводчика с рождения до смерти. В частности, выяснено, что он родился в 1787 г. в с. Басурман-Можга Елабужского уезда Вятской губернии в семье священника; в 1797 начал обучаться в Казанской семинарии; в 1807 продолжил обучение в высших классах Вятской семинарии; с 1809 получал высшее образование в С.-Петербургской духовной академии; в 1814 г. определен на профессорскую должность в Вологодскую духовную семинарию, с которой и связана его последующая жизнь. Умер в Вологде 4 сентября 1843 г.;

– восстановленная биография переводчика позволила глубже понять некоторые обстоятельства, сопутствовавшие проведению проверки перевода. В частности, стало понятно, что перевод был послан на проверку именно в Елабужский уезд целенаправленно, т. к. мог быть выполнен только на южном диалекте удмуртского языка. Установлено также, что Г. Левандовский и осуществлявшие проверку его перевода священники И. Анисимов и С. Красноперов в юности могли быть лично знакомы – возможно, поэтому и правоту свою в замечаниях к переводу священники отстаивали не тушуясь, без оглядки на его ученое звание;

– в иностранной литературе имеется указание, что Левандовский по происхождению был удмуртом, которое при критическом взгляде представляется тенденциозным и малодостоверным, требующим подтверждения российскими источниками. В архивных документах прямых указаний на национальность не обнаружено. Однако из сведений о родителях и дедах представляется более правдоподобным, что он русский. В противном случае, вероятно, не возникло бы и замечаний к переводу при проверке.

В представленных сведениях заинтересованные лица могут найти ответы и на другие вопросы, касающиеся истории создания переводов на языки местных народов в начале XIX в.

Невыясненными остаются сами обстоятельства создания перевода (что подвигло Левандовского к работе над ним, когда он был начат и когда закончен и др.), а также и то, как сложилась дальнейшая судьба перевода, после отправки в Вятский Комитет РБО. Перспективы дальнейшей работы видятся в целенаправленном поиске сведений о переводчике и его переводе в архивах Республики Татарстан, Кировской и Вологодской областей, Российском Государственном Историческом архиве, а при проведении генеалогического исследования – в Российском Государственном архиве древних актов.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Атаманов М. Г.* Роль Православной церкви в формировании удмуртской печати // Журналистика Удмуртии: история и современность: материалы регион. межвуз. науч.-практ. конф., посвящ. 100-летию удмурт. нац. период. печати, 15 февр. 2006 г. Ижевск, 2006. С. 11–15.
2. *Атаманов М. Г.* Этногенез удмуртов: роль лингвистики в решении этногенетических проблем // Ежегодник финно-угорских исследований. 2011. Вып. 1. С. 27–61.
3. Библейские общества в России // Энциклопедический словарь. Издатели Ф. А. Брокгауз, И. А. Ефрон. Т. 3а. СПб., 1892. С. 696–708.
4. *Луппов П. Н.* О первых вотских переводах источников христианского просвещения. Очерк из истории ино-родческих переводов. Казань, 1905. 25 с.
5. *Луппов П. Н.* Христианство у вотяков в первой половине XIX в.: Исследование. Вятка, 1911. 640 с.
6. *Луппов П. Н.* Христианство у вотяков со времени первых исторических известий о них до XIX века. Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 1999. 390 с.
7. Полное собрание законов Российской империи. Т. XI. СПб., 1830. 990 с.
8. Полное собрание законов Российской империи. Т. XVI. СПб., 1830. 1122 с.
9. *Родосский А.* Биографический словарь студентов первых XXVIII-ми курсов С.-Петербургской духовной академии: 1814–1869 гг. СПб., 1907. 640 с.
10. *Суворов Н. И.* Материалы для истории Вологодской семинарии: Краткие биографические сведения о начальниках и наставниках Вологодской семинарии со времени ее преобразования в 1814 году до настоящего времени // Прибавления к Вологодским Епархиальным ведомостям. 1869. № 22. С. 832–838.
11. *Туранов А. А.* К истории первого перевода на удмуртский язык Евангелия от Матфея // Вопросы исторической науки: материалы IV междунар. науч. конф. (г. Москва, нояб. 2016 г.). М.: Буки-Веди, 2016. С. 47–50.
12. *Туранов А. А.* К истории создания первого перевода на удмуртский язык Евангелия Марка // Восточно-Европейский научный вестник. 2016. № 4. С. 62–65.

13. *Филарет, митрополит Московский [Дроздов]*. Собрание мнений и отзывов Филарета, митрополита Московского и Коломенского по учебным и церковно-государственным вопросам. Т. 1. СПб., 1885. 531 с.
14. Центральный Государственный архив Кировской области (ЦГА КО).
15. Центральный государственный архив Удмуртской республики (ЦГА УР).
16. Шереметевский В. В. Русский провинциальный некрополь. Т. 1. М., 1914. 1017 с.
17. Letters from the Rev. Dr. Henderson // The seventeenth report of the British and Foreign Bible Society with an appendix. London, 1821. P. 41–48.
18. Russian Bible Society // The twenty-first report of the British and Foreign Bible Society with an appendix. London, 1825. P. 93–94.
19. The Bible of Every Land. A history of the sacred scriptures in every language and dialect into which translations have been made. London, [1851]. 536 p.
20. The Bible of Every Land. A history of the sacred scriptures in every language and dialect into which translations have been made. London, [1860]. 596 p.

Поступила в редакцию 25.11.2021

Туранов Андрей Алексеевич, магистр истории УдГУ, ведущий инженер-конструктор
 ООО «Удмуртнефтегеофизика»
 426000, Россия, г. Ижевск, ул. Механизаторская, 24
 E-mail: at63@mail.ru

A.A. Turanov

PROFESSOR G.N. LEVANDOVSKY (1786–1843):

THE FIRST EXPERIENCE OF TRANSLATING THE GOSPEL INTO THE UDMURT LANGUAGE

DOI: 10.35634/2412-9534-2023-33-1-186-197

The article reconstructs the events related to the first translations of the Gospel into the Udmurt language. In particular, the unknown circumstances of the appearance and verification in the Yelabuga district of the Vyatka province of the translation of the ten chapters of the Gospel of Matthew, performed by Professor G.N. Levandovsky of the Vologda Theological Seminary, are considered. The verification of this translation was the impetus for the creation of their own translations of the Gospels in the Vyatka province in 1821-1823. By the XX century, this first experience of translation was forgotten, the translator's name itself was erased from memory. Therefore, special attention is paid in the article to the identification of Levandovsky, his origin and biographical information. It was found out that Gavriil Nikiforovich Levandovsky was born in 1786 in the family of a priest from the village of Basurman-Mozhga of the Yelabuga district of the Vyatka province, successively studied at the Kazan Theological Seminary, the Vyatka Theological Seminary and the St. Petersburg Theological Academy. After graduating from the Academy, he became a professor at the Vologda Theological Seminary, where he served until 1842. He died in 1843. Newly identified domestic and foreign sources of information about Levandovsky and his translation are introduced into scientific circulation.

Keywords: translation, Udmurt language, Gospel of Matthew, Gavriil Nikiforovich Levandovsky, Vyatka province, Russian Biblical Community.

REFERENCES

1. *Atamanov M. G.* Rol' Pravoslavnoj cerkvi v formirovanii udmurtskoj pečati [The role of the Orthodox Church in the formation of the Udmurt press] // ZHurnalistika Udmurtii: istoriya i sovremennost': materialy region. mezhvuz. nauch.-prakt. konf., posvyashch. 100-letiyu udmurt. nac. period. pečati, 15 fevr. 2006 g. [Journalism of Udmurtia: history and modernity: materials region. inter-university. scientific-practical conf., dedicated the 100th anniversary of the Udmurt national period. press, February 15, 2006 Izhevsk] Izhevsk, 2006, pp. 11–15. (In Russian).
2. *Atamanov M. G.* Etnogenez udmurtov: rol' lingvistiki v reshenii etnogeneticheskikh problem [Ethnogenesis of Udmurts: the role of linguistics in solving ethnogenetic problems]. Ezhegodnik finno-ugorskih issledovanij [Yearbook of Finno-Ugric Studies], 2011, issue 1, pp. 27–61. (In Russian).
3. Biblejskie obshchestva v Rossii [Bible Societies in Russia]. Enciklopedicheskij slovar'. Izdateli F. A. Brokgauz, I. A. Efron [Encyclopedic dictionary. Publishers F. A. Brockhaus, I. A. Efron.]. Vol. 3a. St. Petersburg, 1892, pp. 696–708. (In Russian).
4. *Lupпов P. N.* O pervyh votskih perevodah istochnikov hristianskogo prosveshcheniya. [About the first Votsky translations of the sources of Christian enlightenment]. Kazan', 1905. 25 p. (In Russian).

5. *Lupov P. N.* Hristianstvo u votyakov v pervoj polovine XIX v.: Issledovanie [Christianity among the Votyaks in the first half of the XIX century: A study]. Vyatka, 1911, 640 p. (In Russian).
6. *Lupov P. N.* Hristianstvo u votyakov so vremeni pervyh istoricheskikh izvestij o nih do XIX veka [Christianity among the Votyaks from the time of the first historical news about them to the XIX century]. Izhevsk: UIIYAL UrO RAN, 1999, 390 p. (In Russian).
7. *Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj imperii* [The Complete Collection of Laws of the Russian Empire]. Vol. XI. St. Petersburg, 1830, 990 p. (In Russian).
8. *Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj imperii* [The Complete Collection of Laws of the Russian Empire]. Vol. XVI. St. Petersburg, 1830, 1122 p. (In Russian).
9. *Rodoskij A.* Biograficheskij slovar' studentov pervyh XXVIII-mi kursov S.-Peterburgskoj duhovnoj akademii: 1814–1869 gg. [Biographical dictionary of students of the first XXVIII courses of the St. Petersburg Theological Academy: 1814–1869]. St. Petersburg, 1907, 640 p. (In Russian).
10. *Suvorov N. I.* Materialy dlya istorii Vologodskoj seminarii: Kratkie biograficheskie svedeniya o nachal'nikah i nastavnikah Vologodskoj seminarii so vremeni ee preobrazovaniya v 1814 godu do nastoyashchego vremeni [Materials for the history of the Vologda Seminary: Brief biographical information about the heads and mentors of the Vologda Seminary from the time of its transformation in 1814 to the present]. Pribavleniya k Vologodskim Eparhial'nym vedomostyam [Additions to the Vologda Diocesan Gazette]. 1869, no. 22, pp. 832–838. (In Russian).
11. *Turanov A. A.* K istorii pervogo perevoda na udmurtskij yazyk Evangelija ot Matfeya [To the history of the first translation of the Gospel of Matthew into the Udmurt language]. Voprosy istoricheskoy nauki: materialy IV mezhdunar. nauch. konf. (Moskva, noyab. 2016 g.) [Questions of historical science: materials of the IV International Scientific Conference (Moscow, November 2016)]. Moscow: Buki-Vedi, 2016, pp. 47–50. (In Russian).
12. *Turanov A. A.* K istorii sozdaniya pervogo perevoda na udmurtskij yazyk Evangelija Marka [To the history of the creation of the first translation into the Udmurt language of the Gospel of Mark]. Vostochno-Evropejskij nauchnyj vestnik [East European Scientific Bulletin], 2016, no. 4, pp. 62–65. (In Russian).
13. *Filaret, mitropolit Moskovskij [Drozdov].* Sobranie mnenij i otyzovov Filareta, mitropolita Moskovskogo i Kolomenskogo po uchebnym i cerkovno-gosudarstvennym voprosam [Collection of opinions and reviews of Filaret, Metropolitan of Moscow and Kolomna on educational and church-state issues]. Vol. 1. St. Petersburg, 1885, 531 p. (In Russian).
14. Central'nyj Gosudarstvennyj arhiv Kirovskoj oblasti (CGA KO) [The Central State Archive of the Kirov region].
15. Central'nyj gosudarstvennyj arhiv Udmurtskoj respubliky (CGA UR) [The Central State Archive of the Udmurt Republic].
16. *Sheremetevskij V. V.* Russkij provincial'nyj nekropol' [Russian Provincial Necropolis]. Vol. 1. M., 1914. 1017 p. (In Russian).
17. Letters from the Rev. Dr. Henderson // The seventeenth report of the British and Foreign Bible Society with an appendix. London, 1821, p. 41–48.
18. Russian Bible Society // The twenty-first report of the British and Foreign Bible Society with an appendix. London, 1825, p. 93–94.
19. The Bible of Every Land. A history of the sacred scriptures in every language and dialect into which translations have been made. London, [1851], 536 p.
20. The Bible of Every Land. A history of the sacred scriptures in every language and dialect into which translations have been made. London, [1860], 596 p.

Received 25.11.2021

Turanov A.A., Master of History of UdSU,
Leading Design Engineer
LLC "Udmurtneftegeofizika"
Mechanizatorskaya st., 24, Izhevsk, Russia, 426000
E-mail: at63@mail.ru